

Plus
ВАСНЕЦОВА

ПАПА ОЛИГАРХ ДЛЯ

Маленькой принцессы

Аня Васнецова

**Папа олигарх для
маленькой принцессы**

«Автор»

2026

Васнецова А.

Папа олигарх для маленькой принцессы / А. Васнецова —
«Автор», 2026

Я с дочкой осталась без жилья. Без работы. С температурой. И огромным кредитом на машину, на которой уехал предатель со своей начальницей. И в таком состоянии управляющий рестораном выгоняет меня с подработки. Вместе с дочкой. Прямо под дождь в легких платьях. Перед тем, как потерять сознание от высокой температуры, слышу мужской голос. Смутно знакомый.— Держитесь! И чьи-то сильные мужские руки ловят меня.— Пожалуйста, помогите маме! — голос дочки звучит, как в тумане. — Я буду себя хорошо вести!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Аня Васнецова

Папа олигарх для маленькой принцессы

Глава 1

Света

– Как это, увольняете? – в отчаянии сиплю в телефон, пытаюсь сдержать рвущий горло кашель. – Ко мне же никогда претензий не было!

На улице тепло, от асфальта еще идет жар после дневного солнца, а меня колотит озноб.

– Увы, – голос менеджера сочится холодным равнодушием. Человеку на той стороне явно плевать, что я сегодня разрывалась на смене с температурой. – Принято решение, что вы нам не подходите. До свидания.

Гудки. Короткие, насмешливые, лишаящие последней надежды.

– Мамуль, ты чего грустишь? – маленькая ручка мило теребит меня за палец. От чего вздрагиваю, и прекращаю ошарашено пялиться в пустоту.

Дочка стоит рядом, задрав голову. Заглядывает мне в глаза, пытаюсь понять мое состояние. Она так и не передела праздничное платье, в котором была на сегодняшнем утреннике. Светлое, пышное, с блестками. На контрасте с моей помятой одеждой, больным румянцем малышка кажется крошечным ангелом, который случайно залетел не туда.

– Давай, и тебя нарядим в красивое платье! – предлагает Мила, весела щебеча. Не ведая всей тяжести, что навалилась на меня. – И будем вместе кружиться и веселиться! Давай, мам!

Из-за прорвавшегося кашля удается не сразу ответить дочке. На глазах выступают слезы. То ли от боли в горле, то ли от бессилия.

– Все хорошо, Мил, – пытаюсь успокоить ее, взяв себя в руки. И даже улыбаюсь. – Может и нарядим. Попозже.

Правда, внутри все переворачивается. Меня уволили после месяца испытательного срока, где из кожи вон лезла. Пыталась доказать, что нужна им. А я ведь ради этой работы сегодня не пошла на утренник к Миле. Даже не забрала ее пораньше, как большинство родителей в нашей группе. Да, и больная хожу. Все ради того, чтобы оставили работать и, наконец, перевели на официальную должность.

Последний месяц был адом. Две работы. Умоталась так, что приболела. Сегодня даже с температурой пошла на смену.

Я выбрала ИХ. А они отплатили мне своим «увы», «вы нам не подходите» и наградили короткими гудками.

Но дочке о всех моих проблемах знать не обязательно. У нее сегодня должен быть праздник. Она в этом платье само счастье. И я не имею права его испортить.

А с праздником не получается. На увольнении мои проблемы не заканчиваются.

Когда с Милой добираемся до нашего подъезда, где снимаем квартиру, вижу совсем не радующую картину.

Чуть земля из-под ног не уходит.

Закидывая сумки в багажник нашей машины стоит Миша.

С ним мы не так давно съехались. Он упорно ухаживал за мной. Я позволила. Доверилась. Он уверял в своих искренних чувствах. И в том, что и мой ребенок его устраивает, что будет заботиться об обоих. Мы даже переехали и стали снимать квартиру поближе к его работе.

Это откуда меня сегодня уволили.

На переднем пассажирском сиденье сидит Алла Викторовна. Его новая начальница. Именно после ее появления наши отношения стали меняться.

– Миша? – мой голос звучит жалко, сипло.

Я еще надеюсь, что это ошибка. И он скажет: «Просто подвести попросила».

Алла Викторовна – стройная, красивая, выглядит моложе своих сорока лет, всегда стильно одета, ухожена и привлекает взгляды мужчин. Она пришла в компанию за день, как я сама туда устроилась в клининговый отдел.

Тогда я еще не подозревала, что это обстоятельство изменит нашу жизнь.

Миша, работающий в офисной части компании, начал задерживаться на работе. Стал грубее. Но объяснял все усталостью, так как сильно выкладывается на предприятии.

– Все, чтобы нас обеспечить, – натурально обижаясь повторял он.

Как-то так получилось, что мы взяли большой кредит, чтобы купить машину. Взяли на меня, так как на Мишу банк не выдал. Машина должна была помочь ему еще быстрее добраться до рабочего места и обратно. И уставать меньше.

– Теперь заживем! – радовался Миша.

Но не помогло. Не «зажили». Задерживался он все чаще. А со мной и Милой был все холоднее и грубее. А последнюю неделю дошли слухи о его отношениях с новой начальницей. Когда я попыталась поднять разговор на эту тему, Миша в грубой форме наорал и сказал, что несу чушь. А он сильно устал. И все ради нас.

Мы два дня после этого почти не разговариваем.

Сейчас он даже не оборачивается на мой голос.

– Мишенька, поехали уже из этого отстойника! – доносится из салона капризный голос Аллы. – Ну что за район? По сравнению с моим – помойка.

Нормальный район. Пусть и старой застройки. Мы здесь живем. Зато между домами места свободного больше. Как и зелени.

– Миша?! – уже более строго и громко окликаю мужчину.

Горло после этого раздрает сильнее.

Наконец, Миша поворачивается. Смотрит как на пустое место.

– Чего тебе? – грубо бросает мне.

Я понимаю, что происходит. Не дура. Испытываю разочарование, боль, обиду. И чувство такое, словно одновременно ударили под дых и подло в спину. Но ни могу не спросить:

– Как это все называется? Что происходит? Объяснись.

Стараюсь держаться. А у самой чуть ноги не подгибаются. На лбу выступает испарина.

– Какая же она тупая! – слышу раздраженный голос Аллы Викторовны. – Глаза разуй! Попробуй сообразить. И сама все поймешь. Миш, едем уже!

Словно помои вылили.

Что она себе позволяет?

– Миша, ты же говорил, что мы для тебя... – начинаю я, но кашель рвется наружу. Я его сдерживаю, но тот, кого считала спутником жизни не дает закончить фразу.

– Говорил. Ну и что? – холодно бросает Миша. – Жизнь идет. Все меняется. Да, и выделали ты себя в последнее время? Дома зеркало есть. Не поленись присмотреться.

После этого хлопает дверью машины перед моим носом. Дает по газам и выезжает со двора, оставляя меня и Милу под крапывающим дождиком.

– Ты очень плохой! – выкрикивает вслед уезжающей машине Мила. – Самый-самый плохой!

И обращается ко мне:

– Мам, его та злая ведьма околдовала?

– Получается, что да, – тихо произношу я.

Что еще ответить даже не знаю. Опустошена и разбита. Сильно-сильно хочется плакать. Мало того, что предал, он же знает, что не потяну аренду квартиры одна. А с кредитом на машину что? Он же сам будет его выплачивать? Или...

Тут вспоминаю, что на той неделе оплатила ежемесячный платеж со своей карты, а Миша так и не перевел мне сумму со своей. И у меня на счету остались жалкие копейки. А до зарплаты еще...

Какой зарплаты? Меня же уволили. А аванс и накопления с подработок потрачены на кредит.

– Мамочка, не плачь! – трясет меня Мила, выводя из прострации. – Мне этот папа все равно не нравился. Мы найдем нам хорошего, настоящего!

Ты же мое золотце! Ради тебя любые тяготы перенесу!

– Конечно найдем! – подхватываю малышку на руки, крепко обнимаю и целую.

И скорее несусь в подъезд, пока мы совсем не намокли. Стараюсь засунуть в себя глубоко все обиды, страдания и тяжелые думы. Не стоит вываливать все это на ребенка. У Милы должно быть счастливое детство. А с проблемами я разберусь.

Буду стараться изо всех сил.

Пока поднимаюсь до квартиры, начинает кружиться голова.

Ничего. Сейчас дома растворю в воде лекарство от простуды и температуры, перекушу, и мне станет легче. Главное успеть переодеться и вовремя появиться на глаза управляющему рестораном, где по вечерам я подрабатываю.

Проблема в том, что Милу не с кем оставить. Раньше отводила к соседке. Но та с детьми уехала в какой-то парк-отель на неделю.

Попробовать с собой взять? Упросить управляющего позволить малышке посидеть в подсобке?

От мыслей отвлекает голос Милы:

– Мам, дверь не хочет открываться?

И в самом деле. Уже минуту кручу ключ в замочной скважине, туда-сюда, а дверь остается запертой. Увлеченная своими мыслями не сразу догадываюсь, что она закрыта и на второй замок. На тот, на который мы никогда не закрывали. Тот, от которого у меня даже ключа нет.

Да, что за день такой?!

Пальцы дрожат, пока набираю Мише. Он не принимает вызов. Еще раз звоню. И еще. Итог один.

Чувствуя, как моя голова испускает жар, быстро набираю сообщение Мише. Объясняю произошедшее, и что нам ночевать негде.

Но он даже не читает его. Ни через минуту. Ни через десять.

Прижавшись спиной к стене, опускаюсь на корточки. Отчаяние прорывается сквозь слезы.

– Мамочка, я тебя люблю! – тут же обнимает меня Мила, пытаюсь хоть как-то помочь. Только не знает как. У нее у самой появляются на щеках мокрые дорожки.

– И я тебя! Очень-очень! – прижимаю малышку к себе.

Как бы она от меня не заразилась...

Вариантов, кроме как взять себя в руки нет. Нужно успеть в ресторан. Прибуду пораньше, постараюсь урвать горячего чая. Это возможно. Может, кто из коллег поделится жаропонижающим.

Ресторан дорогой, элитный. Расположен в престижном районе. Тут собираются сливки общества. И нужно выглядеть достойно. Даже тем, кто моет посуду и прибирается на кухне. Таким, как я.

Вот и разговаривая с управляющим, стараюсь держаться не больной. Улыбаюсь.

Сегодня на смене Никита. Не очень приятный человек. Но сейчас он выглядит занятым и суетливым, возможно готовится к приходу в ресторан крутой важной шишки. Ему до меня особого дела нет, поэтому даже не смотрит в мою сторону. Машет рукой на кухню, указывая направление. Для меня это подарок.

Девочки с кухни – золотые. Входят в положение. Помогают протащить Милу мимо шеф-повара и укрыть малышку в подсобном помещении. Сюда заглядывают только работницы вроде меня и уборщицы.

Удается найти несколько почти чистых ненужных листов, простой карандаш и пару текстовых делителей – есть чем порисовать дочке.

– Я буду рисовать нам настоящего папу. А ты работай.

У меня сердце разрывается.

Первый час проходит нормально. Каждые пятнадцать минут навещаю Милу. Но, чем больше времени проходит, тем хуже мне становится. В таком состоянии застаёт меня сильно нервничающий Никита, который уже добрый час бежит, на всех орет, поторапливает и упрекает.

– Ты совсем больная?! – орет уже на меня, когда понимает в каком я состоянии. И насчет «больной», он точно имеет ввиду мое физическое здоровье. – Ты хоть понимаешь, какие люди ходят в этот ресторан?! И ты тут приперлась ТАКАЯ!

Мои оправдания и уверения даже слушать не хочет. А я ведь в отдельном помещении, принимаю грязную и выдаю чистую посуду через окошко. На лице маска, на руках перчатки. Вентиляция хорошая. И все эти «какие люди» меня даже не видят.

Плывать Никите и на то, что мне очень нужны деньги, даже на лекарства не хватает, и с работы уволили. На мольбы мои тоже плевать.

– Вон пошла! – рывкает он под конец.

Еще больше свирепеет, когда узнает, что в ресторан протащила дочку. И выставляет меня с ней на улицу, прямо под давно усилившийся дождь, что на глазах перерастает в полноценный ливень. Наказывает охране меня не пускать внутрь.

Пышное платье дочки тут же становится мокрым. Облепляет худенькое тельце. Я прячу малышку под собой, прижимаю и тут же отвожу к длинному, но не очень широкому козырьку. Тот располагается над одним из больших панорамных окон ресторана.

– Мама, мне холодно, – жалуется Мила.

Прижимаю сильнее к себе, тру ее маленькую спинку руками.

– Потерпи, малышка. Попробую тебя согреть. Дождик скоро должен кончиться.

Боюсь посмотреть ей в глаза. Так больно на душе. Не могу ей сказать, что нам некуда идти. И ливень нужно как-то переждать тут, продолжая мокнуть под порывами ветра и брызг дождя по брусчатке. Миша так и не ответил мне за все это время.

Самой бы вытерпеть. Меня шатает и потряхивает. Когда же этот дождь закончится?

– Может найдем настоящего папу среди этих дядь? – спрашивает Мила прилипнув лицом к окну и разглядывая посетителей ресторана. – Вон их там сколько!

– Мил, – одергиваю дочку, – не липни к окну. Давай не будем привлекать к себе внимание.

– Они бы нас и накормили... – грустно и мечтательно вздыхает малышка.

Она же у меня голодная... С ужина в детском саду прошло прилично времени. По душе словно кошки скребут. И перед дочкой очень стыдно.

В чате родителей видела, как многие повели детей после утренника в кафешку или детский развлекательный центр. Одни в бассейн поехали. А у моей Милы этот вечер праздником не назовешь.

Так горько...

– Сейчас дождик кончится, и мы что-нибудь купим, – обещаю ей. – Потерпи, хорошо?!

И снова отрываю ее от окна.

Сейчас поздний вечер. Еще и небо заволочло черными тучами, а стена воды не способствуют хорошему обзору. Знаю, что если в такую пору не стоять вплотную к стеклу, то с той стороны, где куча ярких ламп, блеска элементов декора и много посетителей, плохо просматривается обстановка за окном.

Но Мила все же кому-то попала на глаза.

Перед нами вновь появляется гневный Никита. И ему плевать на чье-то здоровье и жизнь, даже маленькой девочки. Для него главное «драгоценные посетители ресторана». И мы с дочкой своим видом портим вид, настроение и уют. Смушаем и вызываем недовольство.

Стою до последнего. Уходить даже из-под такой крыши не собираюсь. Выйдем сейчас под ливень – Мила точно заболеет. Про себя стараюсь не думать.

Никита даже пытается меня вытолкнуть, больно схватив за руку.

– Не трогай маму! – надрывно кричит Мила сквозь слезы. – Ей очень плохо!

И тут мир начинает плыть. В глазах темнеет. Ноги подгибаются. И я падаю.

Вот сейчас упаду, ударюсь головой, и что дальше? Что будет с Милой...

В этот момент, когда думаю, что вот-вот ударюсь спиной и затылком об брусчатку, меня подхватывают чьи-то руки. Теплые и сильные.

Я не вижу лица. Только размытый силуэт на фоне яркого окна ресторана. Чувствую запах дорогого парфюма. И слышу уверенный мужской голос:

– Держитесь.

Кажется, что голос будто мне знаком.

После чего окончательно погружаюсь в темноту.

Глава 2

Глеб

– ...что приведет к увеличенным процентам прибыли. А значит... Глеб? Ты здесь? – партнер машет ладонью перед моим лицом, и я с трудом себя сдерживаю.

Будь это не Влад, а кто-то другой, в край осмелевший, руку бы оторвал. Но с ним мы прошли огонь и воду.

Его жест отвлекает меня от большого панорамного окна. К стеклу которого, со стороны улицы, прилипла совсем маленькая девочка.

– Мы, если помнишь, кое-что важное тут обсуждаем, – упрекает меня Влад.

А я все кошусь на стекло. На прилипшее миленькое личико. На сияющие любопытные и очень печальные глазки. Кристально голубые озера.

За стеклом, к которому прилипли несколько пушистых прядей малышки, нещадно поливает дождь. Темнота снаружи почти не позволяет рассмотреть более подробно. Стекло отражает интерьер ресторана. И если бы девочка не стояла вплотную, казалась бы размытым пятном.

– Да что там такого увидел? – спрашивает меня Влад и оборачивается к окну.

Но первым, кто увидел девочку, завладевшую моим вниманием, оказывается управляющий рестораном, что весь вечер крутится рядом. Надоедает.

Этот крупный парень меня раздражает с момента, как я перешагнул порог заведения. Пыжится, изображая готовность выполнить любое пожелание. Чуть под ноги не стелится. Слизняк. А еще носится, суетится, орет на подчиненных, подгоняет. Хотя, в большинстве случаев сам создает проблемы своим кривым управлением и неверной постановкой приоритетов. Дурной слизняк.

Кто додумался недалекого увальня поставить на такую должность?

Даже появилась мысль сделать доброе дело. Когда Даня, хозяин ресторана, мне попадется на глаза, указать, что этот моллюск не на своем месте. Это если я буду культурно выражаться. А так...

– Прошу извинить ресторан за этот инцидент, – горячо произносит управляющий, не сводя с окна разгневанный взгляд. Вон, как скулы напряг. – Сейчас я все исправлю. Вас больше ничего не будет отвлекать от важного разговора.

И подрывается в сторону выхода.

– Какая-то мамаша не уследила за своим чадом? – Влад, наконец, находит то, что меня отвлекает. – Промокнет же.

И тут же забывает про ребенка, возвращаясь к таблицам и графикам на экране смартфона.

А я почему-то не могу оторваться от девочки. От ее явно голодного взгляда, бросаемого на различные блюда на столах посетителей. А еще она дрожит.

И тут наши глаза встречаются. Малышка неожиданно улыбается мне. И даже машет своей маленькой ладошкой.

Внутри меня рождается какое-то непонятное и необъяснимое тепло.

В этот момент девочку отстраняет от окна более темный и высокий силуэт за окном. Лишь по очертаниям могу догадаться, что это девушка. Наверное, мама.

Что они там делают? Почему мокнут под дождем?

Я не тот человек, что печется и заботится о посторонних. Скорее наоборот. Жизнь слабого не терпит. Я сам выгрызал свое место под солнцем. Добился всего. А человек, которой не может обойтись без помощи, разве достоин хорошей жизни? Получив послабление и помощь раз, он размякнет еще сильнее. Станет тряпкой. И жертвой хищников.

В любом другом случае, скорее всего, забыл бы об инциденте. Но глаза этой девочки... Что-то раскачали внутри меня. Что-то такое разбудили.

– Глеб? – удивляется Влад, когда я поднимаюсь со своего места.

– Я скоро, – бросаю ему сухо.

И направляюсь в сторону выхода. Управляющий как раз пропадает в дверях.

Даже не задаваясь вопросом, с чего я так равнодушен к судьбе девочки, оказываюсь снаружи. Чуть не прибив распахнутой дверью какого-то мужика, спешившего попасть внутрь.

На улице темно. Воздух из-за сильного дождя стал значительно прохладней, чем пару часов назад. Фары проносящихся машин подсвечивают круговерть водяных брызг, что обильно летят из-под колес транспорта. Поднялся ветер.

– Не трогай маму! – слышу отчаянный и надрывный крик девочки. – Ей очень плохо!

Чуть в стороне, напротив большого панорамного окна, прямо под нешироким длинным козырьком, частично спасавшим от дождя, стоят трое.

Малышка в светлом и наполовину мокром платье. Лицо тоже мокрое. И не только от дождя, но и льющихся слез. Управляющий, что грубо держит за руку невысокую девушку. Одежда ее промокла насквозь, облепило худую фигуру. С длинных мокрых волос стекает вода.

Я успеваю вовремя. Глаза девушки закатываются. И она начинает падать. Управляющий, пугаясь происходящего, отпускает ее руку.

– Держись! – ловлю не девушку, а что-то невесомое.

Веки с влажными ресницами смыкаются на бледном лице. Оно облеплено прядями мокрых волос, поэтому разглядеть его не удастся. Да и не до этого.

Моя рука, что поддерживает голову пострадавшей, ощущает сильный жар.

– Мама! – малышка бросается к девушке. Пытается заглянуть в закрытые глаза. – Мамочка, проснись! Проснись, пожалуйста! Открой глазки! Мамочка!

– Она у меня болеет, – всхлипывая комментирует малышка, наверное для меня.

Поднимаю тяжелый взгляд на управляющего. Тот дергается как от удара.

– Я... Я... – пытается мямлить в панике. – Просто она...

– Скорую! – рявкаю на него. – Живо!

– Мамочка, – гладит маму по мокрой щеке, – ну, проснись! Я больше не буду без спроса брать ватные диски на свои поделки! Обещаю! Правда-правда! Только проснись!

Слезы из ее глаз льются не слабее, чем небо опрокидывает на нас капли дождя.

Заплаканные невозможно голубые озера поднимаются на меня. Пронзают.

– Пожалуйста, помогите маме!

Глава 3

Глеб

На меня смотря два больших блестящих озера необычайной голубизны. В их сиянии отчаянье. А также океан мольбы и надежды.

Я не тот человек, которого можно разжалобить. Совсем не тот...

– Хорошо все будет, принцесса, – стараюсь, чтобы мой голос не звучал слишком грубо и сухо.

Это максимум, на который я способен. Себе удивляюсь, что смог и такое из себя выдавить. Проявление эмоций – не мое. Как и общение с детьми.

Еще это обращение «принцесса». Первая ассоциация, пришедшая на ум, глядя на девочку в пышном светлом платье.

Не знаю, так ли нужно с маленькими девочками разговаривать? Но сейчас это не важно. Я поднимаю кажущуюся невесомой девушку. И командую крохе, заставившей меня проявить зачатки эмоций:

– За мной иди. Тут дождь.

И та, ухватившись за мою штанину, семенит рядом, пытаюсь заглянуть мне в глаза. А я стараюсь больше в ее не смотреть. Слишком уж ненормально они на меня воздействуют. А еще напоминают об одной...

Пара обряженных в дорогие костюмы охранников на входе в ресторан, что выполняет и функции швейцаров, тут же расступаются при моем приближении. И широко распахивают дверь.

Когда укладываю ношу на широкий кожаный диван в холле гардеробной, навстречу торопится управляющий. При виде его малышка, что продолжает удерживать меня за штанину, второй рукой хватается за мамину ладонь, сердито хмурит брови. И с обидой смотрит на приближающегося человека.

Но тот на девочку совсем внимание не обращает. Только на меня.

– Уже вызвал, – торопится сообщить под моим взглядом. – Сейчас приедут. Я...

– Горячий сладкий чай, – обрываю его речь командой.

Управляющий тут же спешит выполнить приказ. И не успевает скрыться, как я дополняю:

– И какой-нибудь суп, бульон... что-нибудь такое. И прямо сейчас. Можешь у других посетителей отобрать, но чтобы принес сейчас же.

– Да-да! – чуть ни заикаясь, на ходу соглашается управляющий.

В это время девочка, не оставляя попыток заглянуть мне в глаза, обеспокоено спрашивает:

– Мама же просто спит, да?

Не смотреть ей в глаза. Не смотреть...

– Да – соглашаюсь я, глядя на девушку, грудь которой при дыхании почти не двигается.

– Устала очень.

Девушка кажется знакомой. Хочется убрать с ее лица пряди мокрых волос, чтобы рассмотреть...

Не о том я сейчас думаю.

Может нужно сказать девочке что-то ласково, успокаивающее? Но понятия не имею, что именно.

Дочка на фоне бледной девушки выглядит здоровенькой и бодрой. Румянец на щеках, огромные глазки сверкают.

Такой контраст бывает, когда... Когда мать последнее отдает своему ребенку. На себе экономит, а сыну...

Невольно в памяти всплывает образ матери.

Из воспоминаний вырывает приближение людей. Это несколько сотрудников ресторана. Среди них штатный медицинский работник, что сразу начинает заниматься пострадавшей. Мерит пульс, слушает дыхание, еще что-то.

Я же срываю пиджак с парня, принесшего поднос с чайником и парой чашек. И сам поднос тоже забираю. А парня отправляю за полотенцами. Пиджаком укрываю девочку в мокром платье. Пусть так посидит, пока не принесут полотенца.

Чай оказывается слишком горячим. Пусть постоит немного в чашке, остынет. Кипяток малышка точно не сможет пить. Но по ее раздувшимся ноздрям, уловившим аромат горячего чая, становится понятным, что девочка согласна и обжечься.

Но тут поспекает управляющий. Подгоняет еще одного официанта. У того на подносе замысловато украшенный борщ со ржаными гренками и паштетом из сала. А также филе рыбы под каким-то соусом в обрамлении овощей-гриль.

Управляющий, видимо, прислушался к моему совету, и перехватил официанта, что нес «первое» к посетителю. И переправил ко мне. Сам же захватил приборы и салфетки.

– Глеб Викторович, как вас тут... удобнее расположить? – теряется управляющий.

Оглядывает обстановку. Он решил, что это мне еда? Прихоть у меня такая, есть в холле гардеробной?

Я снимаю с журнального стеклянного стола в металлической раме, который располагается неподалеку, декоративные предметы. Идвигаю его к краю дивана. Усаживаю за него малышку, в ноги ее мамы.

– Накормить ее, – указываю на девочку.

И никто не осмеливается мне возразить. А у малышки глаза на лоб лезут от удивления. В их так и читается: «Это все мне?!».

– Глеб, это точно ты? – наконец подает голос Влад.

Я не упустил из виду, что партнер появился вслед за управляющим и внимательно наблюдал за происходящим. И понимаю, что он имеет в виду.

– Тебе что-то показалось веселым? – в ответ интересуюсь у него.

А то что его ситуация забавляет, не сомневаюсь. Хорошо Влада знаю. С ним я давно веду дела. Нас даже друзьями можно назвать. Хотя в бизнесе друзей и не бывает. Но некоторые исключения имеют место быть.

– Вот теперь, по взгляду и тону, вижу, что ты это ты, – задумчиво проговаривает Влад.
– Но кое-что не срастается...

И не договаривает.

Так-то да. Он еще ни разу не заставлял меня за проявлением подобного человеколюбия. Хотя и в курсе про несколько благотворительных фондов в поддержку детских домов и интернатов, которые я держу инкогнито. Но это другое. Там я даю шанс выжить тем, у кого изначально такого шанса нет.

Так сказать, оплачиваю лодку, что доставляет человека к середине моря под названием «Жизнь». И выбрасывает его в воду. А там уже от самого человека зависит, доберется ли он до берега, став отличным «пловцом» или сгинет.

– Обсуждать не собираюсь, – сухо отвечаю Владу.

И обращаюсь к управляющему.

– Кто она? – указываю на лежащую на диване девушку.

– Просто посудомойка и уборщица, приходит подрабатывать, – тот спешит поделиться информацией. – Офигела совсем, приперлась больная. Да еще и с малявкой со своей. И...

Под моим совсем неласковым взглядом управляющий сразу же меняет тон.

– В смысле, с девочкой совсем маленькой, – исправляется и пытается все объяснить аккуратней. – И болеющим нужно дома лечиться. В тепле и уюте, беречься. Правда, ведь? А так-

то себя совсем загнать можно. Вон, например, указывает на девушку, – результат. Я такого допустить как раз не хотел и попросил идти домой. А возвращается, когда будет себя чувствовать лучше.

– Раз такой заботливый, чего маму и дочку из-под крыши выгонял? Прямо под дождь? – уточняю я.

– Так пусть бы домой ехала! Чего тут торчать под окнами? Своим больным видом весь вид портила, отпугивала посетителей, мешала их отдыху...

– Нам идти было некуда! – в отчаянии кричит малышка, что отвлеклась от еды и слушала наш разговор. – Из дома выгнали, не пускают! У мамы денег нет!

– Так работать надо, и будут деньги, – управляющий вступает в спор с ребенком.

– Маму уволили с работы! И вы выгнали!

– Я не выгнал! А... а просто попросил уйти, – не соглашается управляющий, косясь на меня.

– Ты ругал маму! – не выдерживает малышка. – Кричал сильно! Ругал и прогонял! И больно сделал! Это из-за тебя мама лежит!

– Я...

– Затухни, – одна моя команда, и управляющий язык проглатывает. – А ты ешь.

Желудок девочки дает явные звуковые сигналы, сигнализирующие, что она рано прервала трапезу.

Борщ она так и не доедает. Забывает про него, когда появляется бригада скорой помощи. Работают медики оперативно. И вскоре переносят пациентку в машину.

На это все смотрит малышка, почему-то держа меня за штанину. Словно я тут самый близкий ей человек.

У нее нету дома. Нет денег. А мама попадает в больницу... Как это мне знакомо.

Невольно опускаю взгляд на девочку. И снова утопаю в голубых озерах, полные мольбы о помощи, защите...

Хотел же не смотреть ей в глаза.

Поздно. Уже тону.

Глава 4

Глеб

Я не мякиш.

Я прошел через жесткую и суровую школу жизни. Да такую, которую не каждый выдержит. Тем более, единицы выкарабкаются из подобной зловонной ямы и добиваются чего-то стоящего.

Это закаляет. И отшлифовывает, срезая напрочь, все наросты разного рода милосердия и человеколюбия, которые мешают достигать поставленных задач и целей. И просто выживать.

Поэтому, я провожаю взглядом уезжающую машину скорой помощи. Я им и так уже помог...

Но отчего-то до скрипа сжимаю челюсть. В окно задней двери на меня продолжает смотреть пара больших голубых глаз, полные слез и мольбы. А к стеклу приложена малюсенькая ладошка.

Это же не мои проблемы, правда? Не мои?

– Ты куда? – удивляется партнер, когда я с места прихожу на быстрый шаг. И не в сторону ресторана.

– Завтра все обсудим, – бросаю Владу, даже не оборачиваясь. – У меня появились дела.

И направляюсь к своей машине, что припаркована недалеко от входа в ресторан.

– Тебя точно подменили.

Мне не нужно оборачиваться, чтобы почувствовать, как друг качает головой.

– Посмотрел бы на тебя, если бы с тобой случилось подобное, – выговариваю негромко, но жестко. Не ради желания донести что-то до партнера. А просто высказаться. Во мне плещется негодование от своих собственных поступков. Которые я не совсем понимаю.

– Со мной такого точно не случится! – доносится мне в спину, когда я уже открываю дверь машины.

Скорую нагоняю довольно быстро. И следую за ней до медицинского учреждения.

Не понять Владу. У него были богатенькие родители. Пусть он и рос самостоятельным и любил решать свои проблемы сам, но избежал многих трудностей.

У девочки и ее мамы, как я понял со слов малышки, нет работы, нет денег, соответственно не на что купить еду и лекарства. Да им даже жить, оказывается, негде.

Это у меня здоровый дом. И хренова куча ненужных комнат!

На кой ляд мне столько комнат, если живу один? Почти один. И та здоровая кухня с гостиной?

Я даже на заднюю веранду не выхожу с видом на хвойный лес. Не сижу там в кресле с чашкой кофе, как расписывал архитектор, впаривая проект дома.

– Ты за нами?! – сколько же надежды и радости в голубых озерах малышки, когда она замечает меня, выйдя из скорой.

И почему сразу «за нами»? Интуиция сработала?

– Врачи говорят, что с мамой все хорошо. Ей просто нужно немного поспать. И лекарства попить, – тут же делится информацией девочка, хватая меня за палец своей маленькой нежной ладошкой. И тянет вслед за работниками скорой, которые переносят девушку в помещение. – А лекарства они дадут.

Настроение малышки уже не такое упадническое. Появилась вера в светлое будущее.

– Вот только... – в глазах девочки все же появляется грусть, – мы не придумали, где жить будем.

– С этим я помогу, – негромко произношу я.

– Спасибо! – звонко и радостно кричит малышка, тут же обнимая меня. Вернее, мою ногу.

А я замираю. Не знаю, что в таких случаях делать. Как реагировать. А еще как-то внутри что-то...

В глазах же девочки струится счастье. Такое яркое и ослепительное, как солнце. Нет, как блики солнца в горном ручье, который отражает голубизну безоблачного неба.

Ну нельзя же быть такой открытой для всех. Уязвимой. А это значит – слабой. Сожрут ведь.

И от этих мыслей мне отчего-то хочется самому сожрать тех, кто покуситься на настроение этой малышки.

Эмоции появляются на миг, буквально. И я тут же гоню их прочь. Не стоит привязываться к девочке. Поправится ее мама, может им еще чем помогу, и пускай дальше живут. Без меня.

– Я Мила! – голосок девочки продолжает звенеть, как тот же горный ручеек. – А ты?

Пока мама Милы проходит разные исследования, малышка не замолкает. Я узнаю и про дурного Димку из детского садика. Про капризную дурнушку Маринку. И что Ванька Селиверстов Милу любит. Все в группе это знают. Но Ванька – дурак, не признается.

А еще узнаю про уroda Мишу, который, как я понял, кинул Милу и маму девочки. Оставил без жилья, машины, денег. Нужно будет потом расспросить саму девушку, когда она придет в себя. И разобраться с этим Мишей.

Так, Глеб, притормози. С чего ты впрягаешься за незнакомых тебе людей?

Они тебе что-то хорошее сделали? Может, полезны для твоего бизнеса? Нет? Ну, так чего?

Вопросы, которые подкидывает трезвый ум, раздражают.

– А вы кем приходитесь Светлане Сергеевне? – спрашивает меня врач, когда я подхожу к нему с определенным предложением.

А вместо ответа я вдруг начинаю размышлять об имени девушки. Света значит...

Но быстро беру себя в руки. В мире очень много Свет.

– Живем мы вместе, – отрезаю последователю Эскулапа.

Я сейчас не в том настроении, чтобы мне задавали вопросы. Совсем не в том. И врач сразу как-то понимает это. И примерно осознает, кто перед ним.

– Но... вы же понимаете, мы не можем вот так вот взять и отдать вам... – начинает он мямлить.

– Можете, – настаиваю я. – И не «вот так вот». А по разным и правильным причинам. Давай те отойдем в отдельный кабинет и поговорим наедине.

И мы уединяемся. И конечно же врач идет мне навстречу. Даже спец транспорт для перевозки пациента выделяет.

Критический момент в состоянии Светы пройден. Если принимать лекарства по графику и соблюдать режим – все будет хорошо.

– А мы куда поедем? – спрашивает Мила, которая разрывается между тем, чтобы прижаться щечкой к ладони спящей мамы и держать меня либо за штанину, либо за палец.

– Увидишь, – подмигиваю ей.

Этот жест как-то непроизвольно выходит. Сам от себя не ожидал.

Когда уже сажусь за руль, вспоминаю о кое-чем. И кое-ком.

– Ян, – обращаюсь к девушке, когда та принимает вызов. – Ты где?

– Приветик, котик! – мурлычет Яна. – Где скажешь, там и буду.

– Мне нужно, чтобы ты заехала в продуктовый магазин. И аптеку.

Глава 5

Глеб

– Это что?! – удивленно восклицает Мила.

Она захотела ехать со мной. А я не был против.

Теперь девочка пялится в окно, к нему прилипнув лбом и носом. Особенность у нее что ли такая?

Спецтранспорт с пациенткой едет следом. Дождь к этому времени уже закончился. А ближе к моему дому асфальт так и вовсе кажется сухой. Возможно тут тучи прошли мимо.

– Это ворота, – спокойно отвечаю малышке.

– Ничего себе огромные! Твой дом прямо за ними?! – не успокаивается она. – Ого! Ты что, в крепости живешь?!

– Не в крепости. Просто забор большой.

По виду девочки становится ясно, что она не верит моим словам. На массивные и высокие стены она смотрит как на замок.

Еще больше Мила удивляется, когда доезжаем до дома.

– Это твой дом?!

И сразу же засыпает горстями вопросов:

– А кто тут еще живет? Ты тут один живешь? А почему один живешь? А где слуги?

– Я тебе что, царь какой? – хмыкаю я. – Зачем мне слуги?

– Ну так такой домище! – малышка даже руки разводит в стороны, чтобы хоть как-то показать размеры. – До старости только пылесосить его будешь! А цветы полить?

– Ко мне приходят доверенные люди, которым я очень помог, – поясняю я. – Они и делают у меня некоторые работы, когда это требуется. А для ежедневной уборки имеется современная техника.

Умный дом, роботы пылесосы, очистители воздуха, фильтрующие пыль... Если правильно все настроить, то драить полы и протирать пыль через день не придется.

Да и откуда у меня в доме грязь? Я здесь редко ночую. Построить то построил. А вот смысла каждый день сюда возвращаться не было.

Недалеко от входа в дом припаркован мерс Яны. И когда успела приехать?

– К главному ходу несите, – указываю мед сотрудникам, переносящим маму Милы. – Я сейчас открою.

– Вот это да! – девочка в этот момент наворачивает круг по газону. – Столько места! Можно много-много детских площадок уместить!

И тут же задет мне вопрос:

– А у тебя есть детская площадка?

– Нет, – качаю головой.

– А песочница?

– Нет.

– Качели?

– Нет.

Что интересно, по лицу девочки я не замечаю, что она как-то расстраивается моими ответами. Ей словно просто любопытно.

– А домик на дереве?

– Нет.

– А собака?

– Нет. И кошки нет. И коз с коровами. И лошадей.

– А...

– Кур, гусей, уток, индюков и другой живности у меня тоже нет.
Меня почему-то не раздражают ее тысячи бесконечных вопросов.

– Фу-у! Индюк!

Чем ей индюк-то не угодил?

– А бассейн есть?

– Бассейн есть. На заднем дворе.

– Кру-у-уто!

Даже как-то приятно становится, что чем-то порадовал девочку.

Медицинские сотрудники, молодые парни, как и Мила, во всю пялятся, рассматривая мой дом и окружающую территорию.

Проворачиваю ключ в замке двери. И открываю ее, пропуская вперед парней с носилками.

И задерживаю взгляд на лице девушки, которую проносят мимо. И только сейчас понимаю, что мне тогда не показалось. Лицо и правда знакомо. Сейчас его не закрывают мокрые волосы, потому и приходит узнавание.

Или просто похожа?

А то же имя – совпадение?

– Сюрпри-и... – голос Яны из-за двери сначала звучит торжественно, звонко и громко. А потом становится тише и заторможеннее. – Э-э... это что?

– Пропусти ребят, – советую ей.

А те и не торопятся быстро пройти. Все из-за наряда Яны. Похоже, она успела не только продукты купить и приехать. Но и «подготовиться».

Костюм горничной на Яне довольно красив. Своим минимализмом ткани, глубокими вырезами и обилием рюшечек. А еще чулками в сеточку. Ну, и да. Яна сама по себе красивая и стройная. Любит демонстрировать соблазнительные ноги и округлые формы.

Чем сейчас и любят сотрудники мед учреждения. Даже зависли.

– А ты говорил, у тебя служанок нет, – замечает Мила, держась за мою штанину и во всю разглядывая «служанку». – Какая красивая уборщица.

– Дальше несите, – приказываю ребятам, сдерживаясь, чтобы не рывкнуть.

И больше зол на Яну, чем на них. Кто ее просил так наряжаться? Я же попросил продукты привезти и в аптеку заехать. А не это...

– Глеб, я не понимаю, – заявляет Яна. – Что происходит-то? И это...

Она немного отстраняется от прохода, цокая каблуками. И склоняется над девушкой, внимательно рассматривая.

– Кто это? – спрашивает Яна. Растерянность начинает сменяться недовольством. – И зачем ее сюда принесли?

В этот момент веки девушки, над которой склонилась Яна, подрагивают и открываются. Раздается тихий сиплый голос:

– А вы кто?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.